1 тур
Аналитическое задание
11 класс

Ученикам 11 класса предлагается **письменное задание** аналитического характера. Необходимо **ВЫБРАТЬ** один из двух предложенных текстов: прозу или поэзию. Выполняя задание, ученики **создают текст ответа**. Ученик сам определяет методы и приёмы анализа, структуру и последовательность изложения своих мыслей. Важно, чтобы анализ текста приводил ученика-читателя к главному – пониманию автора, смысла его высказывания, его позиции, способов, которыми он эту позицию выразил. Анализ текста проводится учеником для того, чтобы уточнить, углубить, развить первичное понимание, увидеть произведение как целостное единство элементов, несущее в себе смысл, – и на основе этого нового видения и понимания вступить в диалог с автором произведения.

Время выполнения – **не более трёх астрономических часов**. **Максимальный общий балл за задание – 25 баллов**.

Прочитайте стихотворение **Е.А. Евтушенко «Я что-то часто замечаю…»**. Каким видит поэт мир вокруг себя? Оформите свои впечатления и наблюдения в виде анализа этого стихотворения. При работе можете опираться на предложенные вопросы.

Е.А. Евтушенко

* * *

Я что-то часто замечаю,
к чьему-то, видно, торжеству,
что я рассыпанно мечтаю,
что я растрепанно живу.
Среди совсем нестрашных с виду
полужеланий,
получувств
щемит:
неужто я не выйду,
неужто я не получусь?
Меня тревожит встреч напрасность,
что и ни сердцу, ни уму,
и та не праздничность,
а праздность,
в моём гостящая дому,
и недоверье к многим книжкам,
и в настроеньях разнобой,
и подозрительное слишком
неупоение собой...

Со всем, чем раньше жил, порву я,
забуду разную беду,
на землю, тёплую,
парную,
раскинув руки,
упаду.
О мой ровесник,
друг мой
верный!
Моя судьба –
в твоей судьбе.
Давай же будем откровенны
и скажем правду о себе.

Тревоги наши вместе сложим,
себе расскажем и другим,
какими быть уже не можем,
какими быть уже хотим.
Жалеть не будем об утрате,
самодовольсиво разлюбя.

Завязывается
характер
с тревоги первой за себя.

1967

Вопросы.

В чём особенности композиции (построения) стихотворения?

Как движется взгляд лирического героя? Какие дали перед ним открываются? Что переживает лирический герой?

Какие словесные изобразительные и выразительные детали кажутся вам особенно значимыми? Объясните роль этих деталей для понимания стихотворения.

Обратите внимание на систему повторов в поэтической речи. Какой эффект они создают, чему служат?

Выполните целостный анализ рассказа С.П. Залыгина «Бабе Ане – сто лет», приняв во внимание следующие аспекты его художественной организации:

– композиционные особенности текста, введение повествователем «чужой» точки зрения на обсуждаемую проблему;

– особенности речи персонажа;

– соотношение авторской позиции и позиции героя рассказа.

Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

С.П. Залыгин

Бабе Ане – сто лет

Милый, чё, милый, чё?
Милый, сердишься за чё?
Чё ли люди чё сказали,
Чё ли сам заметил чё?

Павел Васильев

Эти стишки-песенку баба Аня всю жизнь помнила, лишь недавно стала их забывать. Ну а кто их когда написал, она понятия не имела. Поэт, поэзия – с этими словами она никогда не соприкасалась. Может быть, они ей когда-то и слышались, но с какой стороны и когда – не помнилось. Сколько-нибудь самостоятельного смысла они для нее не приобрели.

Бывает среди людей, право, бывает – и по сто лет люди живут.

Баба Аня свои дни рождения не вспоминала, надобности не было, но ей внучка Груня, тоже славная старушка, эти дни аккуратно каждый год напоминала. Они вместе с Груней жили, в Аниной избе. Избу ещё Тимоша ставил – давно покойный бабы Ани муж.

Ане сто нынче стукнуло, Груне, той шестьдесят три, но кто из них бабка, а кто внучка, им всё равно было: на равных жили.

Разговоры они вели между собой редко, больше о том, кто у кого чего украл. Если человек украл не в своей деревне, а в соседней, а то и в райцентре, так это и вовсе воровством не называлось: дескать, человек «исхитрился» добыть... Обе за свою жизнь сделали мало, совсем мало такого, за что перед Богом каяться бы. С Богом у них были вполне нормальные отношения.

В деревне Сидневе, где они жили, дворов двадцать – двадцать пять. А когда-то было и все сто пятьдесят. В голод разбежался народишко в город, ещё куда. После кое-кто

вернулся в Сиднево. Когда-то сидневские брали хорошие урожаи. Теперь жили огородами. Злаковых и зернышка не сеяли. Разве что овёс для скотины и птицы на том же огороде. Земли под огород сколько хочешь, столько бери.

Пашня же заросла: полынь, лебеда, лопухи, крапива, дикий хрен, ползучий пырей; одним словом – бурьян. Ох и трудно будет восстановить плодородие этой земли! У нынешних жителей Сиднева и окрестных деревень и мысли-то такой не было, быть не могло. Они уже и крестьянами себя не признавали – считали, что они неизвестно кто. Вот и свадеб у них давным-давно не справлялось, было только желание как-то, тоже неизвестно как, дожить до дня своей смерти. И что там Бог нынче думает в одиночку о их судьбе – нет, не догадаешься.

С Тимошиной рукою на плечах баба Аня, когда ей было семнадцать полных, почти восемнадцать лет, прогуляла однажды до рассвета. Поспать сколько-то Ане было уже недосуг, она только и успела, что забежать домой, пожевать кусочек, подоить корову. Другую корову доила мать. Родители Ани были люди покладистые: когда бы ни возвращалась домой, слова в упрек не молвили. Ключей-замков в избе не водилось, приходи когда хочешь, уходи, если уходится, но только со своими обязанностями справляйся.

А вообще-то Аня была девкой бойкой, голосистой, ни сибирской жары, ни сибирской холодищи будто бы и не чуяла, только рассветы да закаты замечала, да ещё – как из девчонки быстро-быстро выросла в девку. Были у неё две косички русенькие и к ним две ленточки розовенькие. На случай праздников.

Когда Тимоша впервые положил ей руку на плечи, она вздрогнула, задрожала будто осиновый лист. Казалось, что под эту руку она родилась и свои полные семнадцать лет под ней прожила. И теперь не прильнуть к своей изначальности уже не могла.

Ну а ещё она семнадцать лет соловьёв слушала. Нынче соловьёв в Сибири нет, уже быть не может той человеческой услады. Человек же птичку и вывел вконец, он мастер дарованные ему услады выводить. Больше никто так не умеет.

Соловей... Что за птичка-то? Только тем и приметна, что крохотуся. Из себя серенькая, другой краски и оттенка нет, а какая певунья! Вряд ли такие ещё есть на свете. Видать было, птичка это понимала, вот и старалась от души чуть ли не всю-то ночь.

Кто из людей стишки пишет, тому грех соловья не слышать, не понимать. Без соловья Земле остаться – это, поди-ка, всё равно, что оглохнуть на одно, а то и на оба уха, и ни один доктор, ни один знахарь-знахарка не вылечат.

Ой, чего только не пережила баба Аня за свои-то сто лет раскулачивание, ссылки в неведомые до той поры края! Сибирь велика, из Сибири в Сибирь же человека сослать – это запросто, но всё тяжкое, всё гадкое и в прошлом, и в настоящем пряталось в такой глубине бабы Ани, что не достать. Такая планида у тяжкого и гадкого – прятаться-скрываться от человечьего взгляда.

Тимоша вернулся живым (не много их, фронтовых-то, вернулось горстка). Баба Аня знала, почему, хотя и повреждённый, он всё-таки вернулся: потому что каждое утро, каждый вечер, а бывало, и ночью она за него молилась, уговаривала его: вернись, Тимоша, вернись, я тебя жду! Батюшка в церквушке-развалюшке так не умел призывать, как она умела. Батюшка только ходил у неё в помощниках. Хотя и так сказать: без помощников тоже худо. Ну а церквушка в Сидневе чудом сохранилась, далеко вокруг все храмы Божии были до основания порушены.

Тимоша вернулся с двумя прострелами: один в левом бедре, другой опять же в левой стороне, под сердцем.

Умер Тимоша (может, от войны и прочих бед) тридцать шесть годков тому назад. Бывало, она в день его смерти обязательно шла в церковь, нынче ходить не могла. Ну а Тимоша всё равно был с нею и наяву, и во сне. Добрый человек, большой души. И своего собственного лада. Называл себя народом. Так и говорил: «Я – народ! Ты, Аня, то же самое!» Впрочем, он о себе мало рассказывал, не любил...

Один раз баба Аня была в городской, можно сказать, в шикарной квартире. Ну и что? А то, что в этой квартире от пола до потолка и на подоконниках были книги. Так человек жил: не пахал, не сеял, молотом не стучал, у станка не стоял, только читал, читал – ровно горький пьяница пьёт. И как же всё это называется? А всё тем же словом «жизнь». На взгляд бабы Ани – это подделка под настоящую-то жизнь. Сплошная бумага. И чтобы она, баба Аня, на это когда-нибудь пошла? Да никогда и ни за что. Ни за какие деньги!

Прошлое она прошлым не называла, говорила вместо того: «при царе», «при Колчаке», «при Сталине», «при Горбачёве», а вот уже и «при Ельцине». Не потому так говорила, что признавала или не признавала эти имена, но так удобнее было. К тому же надо хоть на что-то эти имена употребить.

Ну а если люди всё-таки чувствовали в себе что-то божественное, так именно потому, что помнили: у них есть прошлое. Никто, кроме человека, своего прошлого не знает – ни собака, ни кошка, ни лев. Все знают только настоящее. Никто из них ни Бога не знает, ни молитв, к Богу обращённых. Будущее тоже для всех этих тварей не существует.

Впрочем, Бога не было и для власти. От века так. Цари, что и говорить, молились исправно, без Божьего имени – никуда ни шагу. А на самом-то деле все знали, что царица Екатерина мужа своего убила. И что? Это ей нисколько не помешало царствовать, прослыть Великой, быть и днём и ночью окружённой великими же льстецами, подхалимами, да и учёными людьми.

В избе у старух радио говорило день и ночь, под этот говор-разговор и спалось лучше. Не то чтобы они внимательно своё радио слушали, но иной раз что-то до них доходило. Песенки разные, политики разные, разные театры.

Старушки ни слову из услышанного не верили. Да и трудно было поверить, будто Россия как была, так и будет. Дескать, Россия и не такое переживала, значит, и это переживёт! Спрашивается: как переживёт без собственного-то народа? От кого власть будет кормиться? От самой себя, что ли? Города кормиться от кого будут? Служащие – от кого? Друг от друга, что ли? Это немыслимо...

Какие песенки ни пой, какие танцы и пляски ни устраивай, без народа куда? В какое такое будущее?

Да, живут в избушке две старушки. Одной стукнуло сто, другой хоть и поменьше, однако тоже немало: шестьдесят три – разве мало? Конечно, известных имен у них нет и не было, но они, безымянные, горы зерна хлебного и крупяного наворочали, множество цистерн молока надоили, стада коров, овец, свиней и птицы на мясо произвели, штабеля льняного волокна вырастили (и голодное брюхо должно чем-то быть прикрыто), яиц куриных, утиных, гусиных короба уложили, короба лесных грибов и ягод насобирали. А сколько баба Аня на лесоповале свалила лесин? Сосен? Пихт? Да кто бы это всё сотворил, когда бы не они? Никто бы не сотворил. Власти, что ли, постарались бы своими воровскими ручками-пальчиками? Нет, без народа страны нет. И настоящего, дельного дела нет.

Власти если что и могли – так это мужиков из народа посылать на войну: на одну, на другую, на третью, как им заблагорассудится.

Утром баба Аня проснулась, а внучка, баба Груня, и говорит:

– А знаешь, бабка Аня, какой нонче день-то? Какой особенный?

– А хоть бы и какой... Мне всё одно. Праздник, чё ли?

– Когда хочешь знать, так и праздник. Твой. Тебе нонешним днём сто годов стукнуло – во как...

– Чтой-то шибко много. Шибко! Мне годов много лишку – это я знаю. Но что годов уже мне сто, то правда ли? Тебе-то я верю, а боле не поверю никому. Хотя бы и самой себе.

– Какая нашлась! Какая молодуха! Будто в прошлом годе я не говорила, что тебе – девяносто девять?!

– Всё одно – не верится как-то...

– Не верится ей! Так ведь это зверям да ещё домашней скотине тоже неизвестно – сколько кажной из них годов, а человек издавна приучён этакий счёт вести.

– Да-а-а.... – задумчиво вздохнув, согласилась баба Аня. – Да... Бывает, бывает, что и сто. Случается. Хотя сказать – сильно редко случается-то...

– Слава Богу, что редко! – заключила баба Груня.

Конечно, она, что ни говори, была помоложе Ани, потому и печь топила, и щи варила, а летом от темна до темна огородом занималась. (Аня сколько могла ей на огороде помогала.) Мало того, Груня и дровишки колола топором-колуном. За мужика срабатывала – куда денешься, раз надо? Раз без этого нельзя? У них и пенсии были одинаковые, и не получали они свои пенсии по полгода тоже одинаково. Но считались они на деревне чуть ли не самыми богатыми: им чей-то внук, то ли Грунин, то ли Анин, каждый месяц присылал из города пятьсот рублей нынешними. Он дело своё вёл в городе, говорили люди – дело огромное. Он эти пятьсот нынешними даже и в руках не держал, а распорядился своему бухгалтеру, бухгалтер и считал, и водителя отправлял с конвертом. На конверте написано: «От Андрюши!» Конверт из рук в руки передавался – если бы не из рук в руки, а через кого-то ещё, сперли бы денежки. Факт сперли бы.

Тем же столетним бабы Аниным днём к бабкам пожаловали гости: Яшка Огородников, руководитель сельской администрации, с ним какой-то из райцентра. Пришли, поздравили бабу Аню со знаменательной датой, шапки сняли, за стол сели.

Яшка говорит:

– А теперь – самое время выпить. Поставьте нам ну хотя бы две поллитры!

– Ещё чего! – сильно возмутилась баба Груня. – У нас нету. И не бывает сроду!

– Кто вам поверит? Нашли дураков! Вот кто-никто привезёт вам дровишек либо камня угольного – вы чем расплачиваетесь-то? Наличными? – спрашивает товарищ из райцентра. – Вы с такими – как сказать-то? – с такими буржуазными, а ещё с антинародными замашками далеко пойдёте!

– Они богатые, – подтвердил Яшка. – У их наличность поболе, чем у нас с тобой. Им внук кажный месяц знаешь сколько присылает?

– Сколько?

– А пятьсот рублей, вот сколько. Нам с тобой такие деньги, такая безналоговая наличность и не снилась!

Товарищ из райцентра согласился: не снилась.

- Доведись мне, я бы с такими деньгами какое-никакое, но собственное дело открыл бы. Вот те крест – открыл бы!

– И я тоже открыл бы! – подхватил Яшка. – А вы почём знаете, может, у этих у двух старушонок собственное дело тоже имеется? Хотя и незарегистрированное. Без лицензии. Вы там в районе проследите. Вопрос интересный! – отметил Яшка.

– Сделаю! – согласился тот, из райцентра. – А пока вот как: ладно уж, ставьте не две, а всего-навсего одну поллитру. На закусочку - сами знаете: огурчики малосольные, помидорчики солёные же, картошечка поджаренная. Ладно и так, когда вы этакие скряги. Вот народ нынче пошёл, а? За поллитру удавится! И вот ещё: поживее надо. Мы люди занятые.

– Народ нынче такой – сильно испорченный, – согласился Яшка. – Уж кто-кто, а я-то свой народ знаю. Я сам-то кто, как не народ?

– Сказано вам русским языком: нету у нас. Нету и не водится, – повторяет баба Груня.

– Ну, глядите сами. Глядите, не маленькие. Должны понимать, что к чему. – Шапки надели и не попрощавшись молча ушли.

Старушки за стол сели, друг на друга глядят. Тоже молча.

Какое-то время прошло, баба Груня говорит бабе Ане:

– Гляди-ка, баба Аня, они ведь пришлют нам бумагу. Пришлют – тогда что? Ну а поставить им поллитру – тогда что? Тогда они завтра же ещё придут. Послезавтра – ещё. И конец тем деньгам, которые наш внучек Андрюшенька нам присылает.

– А всё Яшка, зверь. Всё он!

– Сами же за его и голосовали. «За» голосовали.

– А ты подумай, что они с нами сделали бы, когда мы голосовали бы «против»2?

– Бог-то нонче куда глядит?

– У Бога и без нас с тобой делов выше головы. Потому Он и Яшку допустил к власти. Потому Яшку каким-никаким человеком сделал. Или Он не видел, что Яшка и посередь зверей - зверь? Проходимец отчаянный! Не мы одни так думаем, всея деревня так же... Всея как есть.

– Какая нонче «всея деревня»? Десять годов назад было более ста дворов, колхоз был – «Знамя революции», царство ему небесное. Тоже воровали почём здря, но всё ж таки не то, что нонче. Нонешних Яшек и вовсе не бывало, обходились без их. Это нонешняя власть без их – ни шагу. А до нас, до народу, власти и дела мало. Вовсе ей нет для народа времени. У их там, наверху, первое дело - выборные кампании, вот как. Ну и еще воровство.

Помолчав, начали снова старухи почем зря костерить Яшку.

Взять хотя бы огороды. Ни одного огорода не было в деревне, чтобы на нем не побывал ночью Яшка. На то он и зовётся Огородниковым. Был случай, когда старик Кирюхин выстрелил в него из охотничьего ружья. Ну и что? Тем же днём пришёл к нему Яшка. «Еще, – предупредил, – стрелишь – пеняй на себя, я тоже стрелю. Хоть бы и в твоё окошко. После ходи, доказывай. Может, и вообще ходить тебе уже не придётся!»

Но и так сказать – один-два огорода всё-таки были, куда Яшка не захаживал. Через два дома от Ани с Груней жили Кирюхины, старик со старухой, а при них кобель по кличке Серый. Он был серым как волк, а злым как собака и всегда голодный. День на цепи, ночь – в своей ограде вольный.

Кирюхины договорились с хозяевами двух огородов с правой стороны и двух с левой (наши старушки тоже в ту четвёрку угадали) сделать в оградах проходы для Серого, а на ночь ставить какую-никакую, а плошку со щами либо с хлебной коркой, чтобы Серый чуть, а подкормился бы.

Яшка эту кооперацию быстро разгадал. При встрече с хозяином Серого Яшка сказал:

– Теперь уже не Серый будет тебя охранять – ты будешь охранять Серого.

– Ничего! – ответил хозяин. – На кого, на кого, а на Серого я сильно надеюсь: он сам за себя постоит как надо. Ты, Яшенька, как-нибудь днём ко мне заходи, а я тебя Серому представлю: вот этого, мол, при случае потрепи как следует, не забудь! Впрочем сказать, так мой Серый и без представления тебя уже знает.

С тех пор Яшка – весёлый и кудреватый – избу Кирюхиных обходил стороной, притом очень серьёзным делался.

Баба Аня насчёт Яшки говорила с бабой Груней так бойко, как давно-давно уже не говаривала, будто проснулась ото сна, хотя как раз в тот день, с утра раннего, на Груню она была вроде как сердита: зачем Груня за ней ходит столь старательно – пищу готовит, чайник греет, самовар лучиной заправляет? Ну зачем? Из-за этой Груниной старательности баба Аня и прожила на свете цельный век, а нынче не знает, что это такое – век. То ли его в спичечный коробок можно уложить, то ли сквозь игольное ушко пропустить, то ли в большущий и холодный сарай свалить. А лучше бы Груне успокоиться, оставить Аню на день-другой одну, а то и на недельку, баба Аня успела бы за эти дни помереть. Как хорошо! И на себя баба Аня нынче тоже сердилась зачем долго живет?

Но Бог миловал – Аня об этих мыслях Груне слова не сказала, не пожалилась – хватило ума. Надолго ли после ста лет и ещё хватит?

Ближе к вечеру того долгого-долгого столетнего дня вот что случилось: Яшка и парень из райцентра снова к старухам явились. И не одни, а еще двух мужиков с собой прихватили – самых что ни на есть горьких на деревне пьяниц.

Яшка сказал:

– Мы ваше имущество будем описывать. Доходы скрываете от налогообложения. Скрываете, факт. Пятьсот рублей в месяц – это сколько же минимальных зарплат получается, а?

Ни баба Груня, ни баба Аня не знали – сколько.

– Придуриваетесь! – сказал им товарищ из райцентра. – Напрасно придуриваетесь, мы тоже не лопухи какие-нибудь, своё государственное дело знаем: вы обе свои истинные доходы скрываете вовсе злоумышленно.

– Ага, ага! – подтвердили двое пьяниц. – Как это вас на одну доску с нами ставить? Да у нас у двоих ни копейки за душой, а вы в то же самое время шикуете! Мы и есть народ, а вы кто? Злоумышленники? Супротив народу?

– Нет такого закона! – взвилась баба Груня. – Вот ей, бабе Ане, нонешний день сто лет исполнилось, а вы к ей с таким безобразием!

– Ну а какой такой закон существует, будто столетние граждане от налогов освобождаются? – ответствовал представитель райцентра. – Ты меня законам не учи. Выноси, ребята, ихнее имущество в наш «газик», и чтобы кузов был полон доверху. Ладно уж, мы и пешком до места дойдем, зато послужим родному государству!

Те двое пьяниц стали имущество выносить, Яшка тоже стал, а товарищ из райцентра сел за стол, вытащил из кармана авторучку, из другого – бумажный листок, записывает, что из избы выносится: стол, табуретки, коврики, какие-никакие, а кроватки.

Обе бабки, конечно, в рёв, хоть и понимали, что это зря. Всё описав, начальство оставило старушкам один-единственный матрас: спите на здоровье! А пьяницы:

– Слишком жирно для их – у нас на всю семью и одного матраса нету. Ничего, живём. Не сказать, чтобы сладко, но всё же живём, который раз, можно сказать, и процветаем. А кто помер либо помрет не сёдни-завтра – туда им и дорога. Бог с ними.

Конин, тоже сидневский житель, такой был человек – работник хоть куда, непрерывный ударник, так можно сказать, но уж очень правду любил... Ещё в колхозе «Заря социализма» самого председателя критиковал почём зря; начальство из района то и дело наезжало, но и начальству он правду в глаза выкладывал. Как его в то время не арестовали, даже непонятно.

Был он фронтовиком, имел на правой щеке большой шрам – может, этот шрам его и спасал. Он и нынче о начальстве говорил:

– Воры и взяточники! Я-то не знаю, где это такие острова – Канарские, а они-то знают, у их там дворцы понастроены.

А ещё Конин имел небольшой ящичек – одно название, что телевизор. Тот телевизор иногда показывал чуть ли не все каналы, а то – ни одного, но всё-таки Конин что-то знал, что-то видел, а другие в деревне ничего не знали и ничего не видели. Так было до недавнего времени, потом ящичек замолк и ослеп, будто мёртвый. То есть навсегда. А без него Конину с правдой стало потруднее, впору тоже замолкнуть, тоже – навсегда.

Нашим старушкам был он человек близкий: когда умер муж бабы Груни, он к ней сватался. Чем не мужик? И комбайнер, и кузнец, и мало ли ещё кто. Выпить – выпивал бывало, но куда там до других деревенских мужиков!

Груня Конину тогда отказала: не пойду я про политику день и ночь слушать! К тому же – баба Аня. С ней идти к Конину несподручно, а бросить её на произвол судьбы совесть не позволяет. Почему? Она сама не знала. Вроде бы она бабу Аню не так уж и любила, а вот поди ж ты!

Конин всё понял и до сих пор к старухам забегал: то дровишек поколет, то поросюшку зарежет, то забор починит – одним словом, какое-никакое мужицкое дело сделает. Хотя и мужиком-то он тоже давно не был: старик. А сидневскую жительницу Елизавету он взамен Груни за себя взял...

Вот и нынче, в столетие бабы Ани, он старухам одеяльце принёс. Из того имущества, которое Яшка с товарищем из района описал. Конин это одеяльце, которому, припомнить, так лет двадцать было, но оно всё ещё грело, потому что на гусином пере, принёс в мешке и вывалил:

– Вот! У Яшки у Огородникова за поллитры выменял.

Баба Груня мигом на чердак слазила, поллитру принесла, отдала Конину:

– Спасибо! Пока живые будем – век не забудем!

– Так у вас тут ещё и матрас? Ну и не тужите. Есть матрас, вот и одеяльце есть – проживёте. Что стены голые – не столь страшно. И не так люди живут, беженцы вон чеченские! Тем же президентом произведенные... Вы старости не поддавайтесь, она шибко вредная.

Конечно, не только бабе Ане, но и бабе Груне тоже надо было бы что-то противопоставить старости, но что они могли? Разве что призывать смерть.

И вот теперь, когда старушки улеглись на ночь посередь голых стен на одном матрасике, под одним одеялом, Ане вдруг захотелось что-нибудь повспоминать. Давно уже с ней этого не случалось...

Перво-наперво ей вспомнилось, что она – живая. Сто лет, а живая! Надо же Господу Богу придумать такое! Кроме Него, никто бы не придумал.

– Что поделаешь? Могло быть хужее, – сказала Аня.

Баба Груня промолчала. Аня не унималась:

– Могли избу описать. С их, с иродов, хватит, – тихо, но вполне разумно продолжила баба Аня.

Баба Груня опять промолчала. Аня поплотнее прижалась к Груне: та была чуть потеплее – всё ж таки помоложе.

Аня думала: может, теперь-то Груня и оставит её в избе одну? Может, догадается? Так она думала, но чувствовала по-другому: нет, не догадается, куда ей...

Вдруг вспомнился бабе Ане лесоповал, на который она когда-то была сослана. На лесоповале такой был случай: женщина, с ребёночком на руках, решилась бежать. А через два дня её из лесу привезли в фургоне, в котором питание доставляли, и баба Аня её увидела, стоя у котла с баландой: она при том котле была на раздаче. Увидела – и обмерла: таких мертвенно-бледных она ещё не видела, совсем прозрачных, даже кости и у бегляночки, и у ребёночка словно бы прозрачные. Вот баба Аня и не сдержалась, закричала на весь лес:

– Сволочи проклятые! Нешто мы тут все для вас не люди, а хужее скотины? Сволочи и есть! Ничего человеческого! Ни капельки!

А конвой был на лесоповале знаменитый, вологодский, вологодские конвоиры своей жестокостью на весь Советский Союз славились. Начальник конвоя и крикнул своему солдатику:

– Булыгин! А ну воспитай эту антисоветскую агитаторшу, воспитай как надо!

Солдатик Булыгин отвёл бабу Аню в сторону, повернул к себе спиной и принялся молотить по спине прикладом. Но среди вологодских конвоиров были, оказывается, ребята добрые: он её молотил больше для вида, ничего не сломал. Больно, конечно, но не покалечил.

Когда баба Аня вспомнила этот случай, у неё спина сильно болеть стала.

Конечно, бабу Аню больше к котлу не допускали. Её поставили в женскую четвёрку лесины валить. Мужиков ставили по трое, а женщин – четвёрками, и те кое-как управлялись. Но и умирали тоже многие.

А ещё вспомнился бабе Ане, когда она засыпала, не то стишок, не то частушка-песенка, которую она пела в девках, да и позже, когда у незабвенного мужа Тимоши делалось хотя бы мало-мало, а всё-таки сердитое лицо:

Милый, чё, милый, чё,
Милый, сердишься за чё?

И дальше были слова, но баба Аня нынче их забыла. Помнила только, что у Тимоши от того стишка-песенки лицо сразу же согревалось.

Они и нынче как бы продолжали жить вместе, хотя и тридцать шесть годов прошло с тех пор, как Тимоша помер. От фронтовых ран. Он ведь Берлин брал. Своими собственными руками. И одно ранение у него было берлинское.

Баба Аня очень верила, что скоро, вот-вот, они там с Тимошей встретятся, тогда и поговорят. Она не знала, где это там находится, но не всё ли равно – где?

Она вступила во второй век своего существования – значит, вот-вот эта встреча и случится. А пока что они, две старушки, ещё от своего огорода прокормятся. Два раза в день, утром и вечером, поклюют овощинки какой-нибудь, когда так, когда с хлебушком, главной же в этом питании была, само собой, картошка.

Себя сегодняшнюю, столетнюю, баба Аня не очень-то знала, не очень-то хотела и знать: какой всю жизнь была, такая и есть. Тимоша однажды сказал ей, что она – народ. Она, конечно, Тимоше поверила. Но что такое народ, так и не знала – деревня Сиднево, что ли? Так в Сидневе никто ни в жизнь не называл себя народом, разве что Яшка Огородников. Возможно, народ – это те люди, которые в первую очередь должны подчиняться властям, не задумываясь о том, какая она нынче, власть-то. Какая и откуда взялась. Баба Аня тоже подчинялась самым разным властям, хотя никогда власти не любила. Настоящей-то властью, если подумать, была для неё баба Груня, которая удивилась бы, если бы Аня сказала: «Груня! Ты моя власть!» Баба Аня и сама бы удивилась, если бы эти слова произнесла вслух.

Тем временем началось окончательное умирание осени, дни становились короче, будто хотели кончиться совсем, хотя им это и не удастся: селение Сиднево – это не Заполярье. В дневных туманах, чувствовалось, прячется снег – настоящий, зимний, не тот, что выпадет, да тут же и растает. Солнышко если и показывалось, так только в виде скромного подарка для человеческого утешения. Для таких дней не стоило бы и просыпаться, но что поделаешь, просыпаться приходилось, приходилось каждый раз признавать за собою обязанность жить. Эта несвобода была противной, гораздо свободнее были сны – они какими хотели быть, такими и были. Баба Аня сны принимала полностью, даже если они были очень горькими. Ну вот, к примеру... Тимоша, уже в возрасте, неожиданно стал бегать через четыре подворья к одинокой и нехорошей вдове Евдокии. Баба Аня от ревности только-только в петлю не полезла. Дети не позволили, верёвочка была уже готовая. Если бы не детишки, она ту верёвочку пустила бы в дело, но оставить детишек сиротами?.. На эту верёвочку с петлей показала Тимоше: гляди, чё у меня приготовлено!

Тимоша поглядел и всхлипнул.

– Больше вовек не буду, мать! – по-детски пролепетал он.

Однажды, когда сидневские бабы шли с подойниками на приречный луг, на дневную дойку своих буренок, баба Аня спросила Евдокию, не стыдно ли ей.

Вопрос оказался даже приятен Евдокии, она весело и громко ответила:

– А чё ли я выбираю?! Тимоша выбирает, ему виднее. Значит, моя слаще...

Не так давно бабе Ане приснился этот разговор, разбитной взгляд Евдокии приснился и собственное её тогдашнее замешательство.

Виделись ей и страшные какие-то морды, то ли из того времени, когда была коллективизация-раскулачивание, то ли из лесоповала. Однажды Яшка Огородников приснился – будто копается он на их с бабой Груней огороде, так ведь он и в действительности копался.

Снилась она самой себе и девчонкой, бойкой и голосистой девкой, бабой певучей... Однако старость не кончалась, а продолжалась и продолжалась. Наступила и старость глубокая, в которой баба Аня себя, вместе со своим прошлым, забывала; только и помнила, что она живая.

Она всё чаще и чаще плакала: слёзы накапливались, их надо было выплакать. Ну разве она умела ещё помолиться за того Андрюшу, который присылал каждый месяц пятьсот рублей в конверте с надписью: «От Андрюши». Иногда она вспоминала что-нибудь о деревне Сидневе, тогда за эту деревню тоже молилась.

Сколько зла пережила на своём полном веку баба Аня, но сама злой не стала, что бы ни случилось, говорила: «Бывает, бывает». Тимошино лицо глазки голубые, кое-какая рыженькая бородка – ей помогали...

Не могу не сделать примечания к эпиграфу.

Павел Васильев происходил из семиреченского казачества, это в самом далёком углу нынешнего Казахстана, на границе с Китаем. Был он плоть от плоти своей родины, не отступал ни от дикой её природы, ни от казачьих станиц. Когда бы ему ещё прибавилось годочков, он, может быть, и в другой какой-то мир успел бы заглянуть. Но он не успел. Был обвинён, не без участия Горького (см. "Лексикон русской литературы XX века" В. Казака, М., 1996), в пьянстве, хулиганстве, главное же – защите кулачества. Погиб в лагере в 1937 году.

Вопросы. Определите жанр произведения. Обоснуйте свой выбор. Определите тему произведения.

Какое настроение вызывает у вас произведение? Какие размышления навевает? Какие ассоциации рождает? В чём особенность композиции произведения? Какова роль диалога?

Каково авторское отношение к изображаемому? Что можно сказать об особенностях авторского взгляда?